

Татьяна Бахтигараева

Время есть

Татьяна Бахтигараева

Время есть

«Издательские решения»

Бахтигараева Т.

Время есть / Т. Бахтигараева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938665-6

Когда человечество оказывается на грани, вдруг случается нечто, что позволяет начать жизнь с чистого листа, исправить ошибки, получить утешение и разгадать тайны прошлого.

ISBN 978-5-44-938665-6

© Бахтигараева Т.
© Издательские решения

Время есть

Татьяна Бахтигараева

© Татьяна Бахтигараева, 2018

ISBN 978-5-4493-8665-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Дом трещал и скрипел. На полу, привалившись к стене, сидели Юрка и Стас. В кресле Дашка кормила грудью малыша. Притихшие близнецы Ася и Вася бесцельно листали книжку. Все молчали. В воздухе висело ожидание неминуемой катастрофы.

Я прошла по дощатому полу большой комнаты, оставив людей, и посмотрела в окно. Погода быстро портилась. Тучи опускались всё ниже, и уже грозно клубились у самого окна. В провалах туч непрерывно сверкали молнии.

Как ни удивительно, страшно мне не было. Очевидно, что происходящее рано или поздно должно было случиться. Хотелось только, чтобы закончилось побыстрее и без боли.

Я взглянула вниз. Земля стала серой, клочкастой, и очень похожей на небо. В ней начали появляться дыры, и уже через несколько секунд твердь превратилась в сетку, словно собранную из бензольных колец. Справа кольца начали распадаться на атомы, и атомы эти отлетали и таяли в пространстве, открывая равномерный белый свет. Я уже не удивлялась ничему, словно каждый день земля превращается в пустоту.

Кажется, это было похоже на сотворение мира, только в обратном порядке: сначала смешались земля и небо, а сейчас наступает ничего. Странно только, что предварительно не исчезли люди. Мы, то есть. Оставшиеся последние. Я не стала оборачиваться. Если нас всех сейчас не станет, и меня тоже, зачем пытаться запомнить тех, кто за спиной?

Островок земли под моими ногами, вместе с дощатым полом, стеной и окном, тоже растаял, и я ухнула вниз, в эту белизну. Две секунды падения, выброс адреналина, и я бессмысленно болтаюсь в пустоте.

Непонятно, где верх, где низ. И, кажется, здесь можно понять, что такое бесконечность. Ни силы притяжения, ни каких-либо других сил.

Внезапно, я не уловила момент перехода, пустота заканчивается и начинается вода. Она прозрачная и очень синяя. Мне интересно, смогу ли я в ней дышать? Оказывается, могу. Кажется, я стала рыбой. Вместо моей обычной бледной кожи замечаю серую и глянцевую, как у дельфина. Я гибкая и скользкая. Могу извиваться, как змея. И, кажется, у меня сейчас нет ног. И рук, кажется, тоже нет. Я невнятный кусок серой плоти, впрочем, чувствующий себя довольно неплохо. Могу делать петли, резко поворачивать, стремительно скользить в толще воды. Могу отдаться течению, а могу пересекать его. Течения хорошо видно, они отличаются оттенком.

Вокруг появляются рыбы. Мне кажется, что я должна их знать, но я не узнаю. Рыбы разные, и им тоже наплевать на меня. Так проходит то ли пять минут, то ли три тысячелетия. Я нащупываю дно вновь появившимися ногами. Сначала это крошечный пяточок, но потом твердь собирается из песчинок, слетающих со всех сторон, и разрастается до размера, уходящего за пределы видимости.

Незаметно вода заменяется воздухом, рыбы пропадают. Я замечаю людей. Они молчаливые, и никак друг с другом не общаются. Бродят заторможенно, чем-то похожие на меня,

тощую и бесцветную. Я смотрю на свою руку с тонкими и длинными пальцами. Кажется, побывав рыбой, я снова стала собой. А может и кем-то другим, но пока это сложно понять.

Я делаю шаг.

Земля твёрдая, как скала. Я почему-то думаю, что такая земля в Иерусалиме, хоть и не бывала там никогда. Не земля, а палево-жёлтый камень. Наступаю осторожно. Никаких острых углов, скалистая поверхность гладкая, но я не уверена, что земля снова не распадётся на молекулы, и я опять не провалюсь в пустоту.

Но земля не рухнет, и я иду.

2

Ханна откинула одеяло, пихнула в бок Сашку:

– Вставай, опоздаешь!

– Ммм, – высказал Сашка и отвернулся.

Ханна махнула рукой. Зато можно в душ сходить без споров об очередности. Она сонно прошлёпала в кухню, не ограничивая себя в громкости шагов, взяла фильтр-кувшин, но он оказался пустым. Ханна помахала им, словно надеялась, что откуда-то возьмётся вода. Но вода не появилась, и она наполнила чайник из крана. Подумаешь, водопроводная вода тоже нормальная. Вставила чайник в платформу, шлёпнула по кнопке.

Гель для душа закончился, и Ханна, включив воду, сразу вспомнила, что вчера хотела купить новый, но забыла.

– Тьфу, зараза, – выругалась она на свою память. Налила в ладонь шампунь и размазала по телу. Ханна не любила губки, мочалки и прочее. Кожа у неё тонкая, и краснеет от любого грубого воздействия. Поэтому нежно, поглаживая себя руками, вспенить гель, то есть, в данном случае, шампунь, а потом смыть тёплым дождиком.

Ворвалась струя холодного воздуха, Ханна чихнула и покрылась мурашками.

– Дверь закрывай!

– Ты же за занавеской!

– Какая разница, всё равно дует!

– Вот ты фиалка, а? – то ли восхитился, то ли возмутился Сашка из-за шторки.

– Нормальная, – Ханна смыла шампунь, постояла ещё минутку под струями воды. Было тепло и приятно, но по утрам – непозволительная роскошь. Надо на работу.

Она выключила воду, отдернула занавеску. Сашка переключил воду с душа на кран, настроил нужную температура, взял зубную щётку, но остановился. Ханна выбралась из ванной под его взглядом.

– Ну не смотри ты на меня так! Знаю я тебя, на работу опоздаем, – она схватила полотенце и суетливо укрыла себя от Сашкиных глаз.

Сашка улыбнулся:

– Ладно, до вечера свободна.

Суматошное утро. Яичница с колбасой, кофе. Кофемолка оказалась пустой, Ханна высыпала в неё остатки зёрен, привычно подумала «надо купить», воткнула вилку в розетку и нажала кнопку. Кофемолка гудела, как космический корабль, частички кофейных зёрен шуршали внутри отсека, и было слышно, как они становятся всё мельче и мельче.

– Ах ты! – Ханна резко поставила кофемолку и схватилась за сковородку, пока яичница не пригорела. Кофе насыпать в турку, налить воды, и не отходить, Бог с ней, с яичницей, полежит пока, а кофе без присмотра оставлять нельзя.

В кухню вышел Сашка, уже в штанах и футболке.

– Яичницу положи, – быстро попросила Ханна.

– Я думал, ты за мной ухаживать будешь, – заметил Сашка, остановившись посреди кухни.

– Иди ты, – привычно огрызнулась Ханна.

Сашка вздохнул и полез в полку за тарелками.

Ханне стало стыдно.

– Ладно, ладно, я сама. Садись. Только кофе поймаю.

Сашка с вызовом взял нож и принялся пилить яичницу. Она делиться не хотела, и Сашке приходилось прикладывать усилия.

В тот момент, когда Ханна подхватила турку и погасила огонь, из-под Сашкиной руки вылетела половина яичницы и приземлилась на пол.

– Да блин! – возмутилась Ханна.

– Не блин, а яичница, клала бы сама! – взорвался Сашка.

– Хватит на меня орать! Полы сам будешь мыть!

– Обойдётся.

Ханна, поджав губы, разлила кофе по чашкам. Что за дурацкий день, не успели встать, уже поругались. И из-за чего? Из-за летающей яичницы.

Сашка поднял с пола полукруг яичницы, шмякнул в тарелку и, покосившись на Ханну, поставил её себе.

Ханна достала вилки, одну положила Сашке, другую взяла в руку и села на своё место, в продавленное кресло, спиной к окну.

– Саш. Ну, давай не будем ругаться, а? Сил уже никаких.

– Я и не ругаюсь.

Ханна промолчала. Объяснять бесполезно. И даже вредно, потому что ссора тогда начнёт набирать обороты.

3

Я шла наугад. Вокруг не было ничего, одна жёлтая пустыня. И белёсое небо. Камень под ногами был приятный, тёплый. Странно, что в небе не было ни облаков, ни солнца, но я уже давно решила ничему не удивляться. Найти логическое объяснение происходящему не представлялось возможным, и я решила придумать хоть какое-нибудь. Например, что меня похитили инопланетяне, показали страшное кино и привезли на свою планету. Правда, не очень понятно, зачем надо было привозить и бросать меня посреди пустыни. Может, эксперимент такой? Люди, похожие на тени, здесь тоже были. Бродили такие же потерянные, как я. И никто не пытался выяснить у других, что происходит. Наверное, им не хотелось, как и мне. Прежде чем что-то предпринимать, надо было понять, что это за мир, какие в нём законы. Я даже не о человеческих законах, а о природных. Мало ли, вдруг тут сила притяжения другая. И дождь идёт из земли вверх. Или вообще не дождь, а какой-нибудь другой вид осадков.

Внезапно на горизонте показалось что-то большое и тёмное. Было сложно понять, что это. То ли дом, то ли, лесок, то ли пепелац какой-нибудь. Даже цвет из-за дымки понять было сложно.

У меня появилась цель, и я пошла к этому предмету.

Мир вокруг снова начал меняться. Из камней, по которым я шла, стала пробиваться какая-то трава. Она была жёсткая, похожая больше всего на пастушью сумку, только ярко-зелёная, без единой пылинки. Я присела, потрогала и со всех сторон рассмотрела один из кустиков. Рвать не стала, их и так мало.

Впрочем, когда я поднялась с корточек, травы стало гораздо больше. Даже что-то с листьями повывлезало.

И я застряла. Наверное, во мне погиб великий ботаник, потому что я останавливалась у каждого нового кустика. Ни разу не видела таких растений, что, в общем, подтверждало мою версию об инопланетном следе. Но самым странным было то, что все растения вылезали из трещин в камнях чистыми и блестящими. Словно там, под землёй, сидели специальные

гномы и отмывали до блеска стебли и листья, прежде чем выпустить их на поверхность. Я улыбнулась своей мысли и сделала ещё пару шагов до следующего растения, похожего на хвощ.

Через некоторое время – интересно, а какое здесь время? – я усилием воли перестала рассматривать растения и пошла дальше. Темнеющее нечто на горизонте, похоже, всё-таки было лесом, и оно приближалось. Уже можно было рассмотреть деревья, они походили на яблони, кривые стволы и ветки во все стороны. Под деревьями было темнее, из чего я заключила, что солнце всё же откуда-то светит, раз есть тень. Но понять, где оно находится, было невозможно.

4

«Я хочу машину», – думала Ханна, висая на поручне и пытаясь отодвинуться от необъятного пуза какого-то мужика. Автобус стоял на светофоре, и счастливых обладателей своего личного мирка было хорошо видно сверху. Ханна вздохнула и перевела взгляд на пейзаж. Пейзаж был, как пишут в книгах, унылым. Мало того, что серые дома стояли строем вдоль дороги, так ещё и солнце не показывалось уже неделю. Ханна вздохнула. Смотреть совершенно не на что.

Автобус дёрнулся, раздался скрежет металла.

– Куда ж ты, твою мать!..

Пассажиры завозились, повставали с мест, выглядывая в окно и пытаясь понять, что произошло.

Водитель открыл зашипевшую дверь и спрыгнул на дорогу.

Некоторое время с улицы доносился мат. Ханна покрутилась, чтобы посмотреть в окно с другой стороны автобуса, но пузатый мужик безнадежно закрывал обзор.

Вскоре взвинченный водитель снова открыл шипящую дверь, пробурчал в микрофон просьбу всем покинуть салон, осторожно проходя на тротуар. И добавил что-то про баб за рулём, видимо, забыв выключить громкую связь.

Ханна шла в тесной компании товарищей по несчастью в сторону ближайшей автобусной остановки. Она боролась с соблазном перейти на другую сторону, сесть в обратный автобус и вернуться домой. Очевидно, день был неудачным, и его стоило пережить где-нибудь на диване под одеялом.

Она на ходу достала телефон, начала писать смс Сашке «а я на автобусе попала в аварию». Посмотрела на текст, сказала вслух: «А зачем?» и вышла из режима сообщений. Телефон услужливо отметил, что сохранил черновик.

– Вообще всё зачем? – спросила себя Ханна ещё раз, поёжилась и поплотнее запахнулась шарфом.

Она каждую осень и зиму бесчеловечно мёрзла.

5

Я внезапно поняла, что на мне нет одежды. Видимо, она растворилась вместе с землёй и небом, перед тем, как я оказалась в белой пустоте.

Кто-то мельтешил в воздухе, то ли птицы, то ли насекомые, но рассмотреть их не получалось.

Внезапно передо мной появилось озеро.

Вода была прозрачайшей. Сквозь неё виднелись острые края камней, плоскости, покрытые красным, оранжевым и фиолетовым мхом. Или водорослями, что там под водой растёт? В расщелинах прятались небольшие рыбки с красными плавниками. Все рыбы были одного вида, если не считать вон то существо, греющее у поверхности воды покрытую хитиновыми щитками спинку. Существо смутно напоминало какое-то ископаемое животное из моей детской энциклопедии по палеонтологии. Голова, закрытая двумя щитками, как слоновьими

ушами, членистый бронезилет на спинке, два длинных уса. Я улыбнулась существу и протянула к нему руку.

Ископаемый, как ни странно, не дернулся в глубину, и я смогла его потрогать. «Бронезилет» оказался не совсем хитиновым. Или совсем не хитиновым. Бархатистым и мягким. Даже странно, что зверь не боится. Я осторожно его погладила. Из расщелины выглядывали рыбы, и я готова спорить, с интересом рассматривали меня.

Я прилегла на берегу. В небе не происходило абсолютно ничего, но я смотрела туда, в его глубину.

На плече что-то зашекетало. Я повернула голову, смахнула прядь волос с глаз, чтобы не мешала. По плечу деловито шло какое-то существо с крыльями. Видимо, одно из тех, что мелькали в воздухе.

Я подставила ладонь и крылатик на неё перешёл. Я осторожно переместила руку, чтобы было удобнее смотреть. Существо ходило на двух ногах, ещё четыре лапки были похожи на руки. Огромные чёрные глаза на полморды. Или лица? И, ущипните меня, улыбка!

Существо наклонилось, коснувшись меня двумя верхними лапками, и от них потекло тепло. Через мою ладонь, по предплечью, плечу, наверное, по венам, к сердцу. А потом от сердца по артериям по всему телу. Только сердце почему-то чувствовалось не слева, где ему положено быть, а ровно посередине, за костью грудины, которая у меня всегда вызывающе торчала.

– Какой ты классный, – прошептала я существу. – Вы тут все классные. Пойдём со мной?

6

Ханне исполнилось десять лет. Мама ещё полгода назад отхватила в «Детском мире» красивое платье и всё это время прятала его в шкафу. Платье было из синего бархата с кружевным воротничком и манжетами. Ханна, когда никто не видел, открывала шкаф, и гладила обновку по бархатной юбке, это было очень приятно.

И вот, наконец, платье извлечено из плена. Ханна, забыв дышать, надела его и подошла к зеркалу.

– Неужели выросла? – ахнула мама. – Ханна, ну куда же ты растёшь?

Ханна погрустнела и попыталась уменьшиться в размере. Подумаешь, рукава чуть коротки! А юбку и выше колен можно носить, ничего страшного. Главное, что трусы не видно.

– Да, дочка, – задумчиво сказала мама, вертя Ханну. – Ну ладно. Хотя бы разок покрасуешься. Надо было хоть в театр надевать, не держать.

Через полчаса оказалось, что кружевной воротничок натирает шею, но Ханна героически терпела во имя красоты.

Приехали гости. Бабушки и дедушки, бабушкина сестра Зоя, мамин брат дядя Костя и двоюродная сестра Маша с сыном Тёмой. И ещё какие-то люди, которых Ханна плохо знала.

Тётя Маша подарила палеонтологическую энциклопедию, а Тёма не хотел её дарить. Ханне, в общем, было не очень интересно читать про бра-хи-о-под, но раз подарили, значит, нужно радоваться.

Ханна спряталась от Тёмки под швейную машинку. Сидеть там было не очень удобно, потому что снизу была ребристая и неустойчивая качалка для ног, а сверху под наклонным листом оргалита с дыркой пряталась собственно машинка. Ханна, скрючившись, осторожно листала книгу, и именно там и тогда услышала то, что ей слышать не полагалось.

– ... Ни на кого не похожа, – припечатывала тётя в бордовой кофте поверх цветастого платья. – Катя, она ещё не спрашивала, на кого похожа?

– Спрашивала.

– И что ты ей сказала?

– Что на прадедушку похожа. Он блондином был.

– Ох, зачем, зачем тебе это надо было? Да ещё страшненькую такую взяла. Ресниц нету, глаза белые, волосы белые, тощая, совсем прозрачная. Хоть бы покрасившее выбрала тогда.

– Ханна красивая, – тихо ответила мама. – Что вы от меня сейчас хотите, тётъ Зой?

– Да ничего, ничего. Понять хочу. Нет, я бы никогда не смогла полюбить чужого ребёнка. Раз Бог не дал своих, детдомовских не стала бы брать, – отрезала тётка.

Ханна долго сидела под машинкой. Она не плакала, не смотрела книжку. Отказалась пить чай с тортом, когда мама нашла её и позвала. Не мама. Мама – это не мама.

Она вылезла, когда гости разошлись. С трудом разогнула затёкшие ноги и спину, положила книжку на тумбочку, села на диван, обняв колени руками и положив на них подбородок. Мама-немама звенела в кухне посудой и шумела водой. Папа пошёл провожать гостей до метро. Вернулся, взял пакет с мусором, сходил на помойку, а Ханна всё сидела и думала.

– Дочка, давай спать, – пришла мама, размазывая по рукам крем.

– Я же не дочка, – тихо сказала Ханна. Мама на секунду окаменела, потом очнулась, вытерла крем о халат и быстро села рядом с Ханной. Помолчала минутку.

– И что? – спросила так же тихо.

– Ты же меня не родила?

– Нет, – сказала мама, глядя в ту же точку, что и Ханна. – Но что это меняет? Я же любила тебя все эти восемь лет. И дальше буду любить.

Ханна вздохнула. Она не знала, что сказать, как объяснить, что мир перевернулся и встал на голову. Что в мире всё-всё изменилось, и непонятно теперь, как жить. Вернее, мир и раньше, оказывается, был другим, не таким, как она думала

Мама обняла Ханну за плечи, притянула к себе. Ханна не сопротивлялась.

– Ханночка, малыш, – ахнула мама. – Ты же всю шею стёрла! Тебе же больно!

Ханна осторожно повела головой:

– Ага. Но какая разница.

– Снимай скорее это платье, надо зелёной намазать.

– Платье красивое, – сказала Ханна. – А зелёнка щиплет.

– Но ты же потерпишь немножко? Я буду дуть.

Ханна знала это. Мама будет дуть, а потом поцелует. Но она не мама.

И она дула, и поцеловала. А Ханна всё никак не могла понять, как дальше жить?

7

До леса я дошла к ночи. Ночь тоже была необычная – небо стало зеленоватого оттенка, и немного стемнело. Уже хотелось спать. Надо было где-то устраиваться на ночлег, а я никогда в жизни не спала в лесу. Даже с палаткой ни разу не ходила, чего уж говорить о нынешнем моём положении: не только абсолютно пустые руки, но и полная нагота.

Я побродила по краю леса, нашла какое-то подобие мха. Лежать на нём было мягко, и даже тепло, потому что мох оказался глубоким, и обволакивал со всех сторон. Я ощущала кожей мягкость неизвестного растения и была ему очень благодарна за существование.

– Прости меня, – я погладила краешек своей постели. – Я тебя примну за ночь. Но ты ведь расправишься потом, правда? Я не очень тяжёлая.

Растение погладило меня в ответ. Я улыбнулась и провалилась в сон, успев заметить сворачивающегося неподалёку в клубок моего крылатого спутника.

8

– Я не пойду в школу, – Ханна завернулась в одеяло покрепче. С головой, и чтобы пятки не торчали. И точно знала, что это бесполезно. Что всё равно придётся вылезти, одеться и пойти.

– Ещё новости! Вставай, опоздаешь!

– Маам, – она высунула нос из-под одеяла.

– Что?

– Не пойду. Там одни гады.

– Вылезай, тебе говорят!

Безысходность. Колготки. Шерстяные. Их ещё бабушка купила, за месяц до смерти. Колючие, но тёплые. Вечный повод для насмешек.

Она – моль. Белая моль в шерстных колготках и свитере. Однажды накрамила глаза, так над ней ржали всем классом, и она потом ревела под лестницей, размазывая тушь по щекам. Ресницы снова стали белыми, а щёки серыми. У одноклассников был восторг. С тех пор Ханна ресницы не красила, и вообще не старалась чему-то соответствовать. Сидела тихонько на своей последней парте, ни с кем в разговоры не вступала, и старалась незаметно сбежать, когда чувствовала, что одноклассникам становится скучно.

В классе было холодно вторую неделю. Отопление ещё не включали, и Ханна мёрзла. Собственно, мёрзли все. Но девочки предпочитали красоту теплу, и ходили в мини-юбках и блузках. Впрочем, кто-то надевал джемпер и брюки, но свитер до ушей был у одной Ханны. А сегодня она впридачу надела перчатки, у которых отрезала продырявленные пальцы. Терять ей всё равно было нечего.

Перчатки заметил Коваленко после третьего урока. Фыркнул и начал ржать. На недоумевающие вопросы дрыгал ногами, попискивал и показывал пальцем на Ханну. Та, сжав зубы, смотрела в парту.

– Откуда же ты, убогая? – почти с сочувствием хохотал Аверин, сидевший на соседней парте.

– Я бы тоже посмотрела, откуда такие берутся, – согласилась Наташка Сологубова, поглядывая на Аверина.

«Смешно, – думала Ханна. – Обхохотаться, как смешно. Зато я вижу, как ты на него смотришь. А он дуб дубом, не замечает». Она усмехнулась, мельком взглянув Наташке в глаза.

– Что ты улыбишься? – взвилась Наташка.

– Ничего, – Ханна пожала плечами. Не рассказывать же.

9

Утром оказалось, что сквозь лес идёт тропинка. Даже не тропинка, а дорога. Всё из того же гладкого жёлтого камня. Только среди деревьев камень был усыпан листьями. Листья были, в целом, привычные. Зелёные, с прожилками, но дерева такого я не знала.

Я шла по этой дороге сквозь лес и привыкала к новой себе. Шла походкой охотницы, амазонки, делая шаги бесшумно и отточено, как будто в танце, и мне это безумно нравилось. И весь этот мир был мне симпатичен. Непривычно, непонятно, ничего знакомого, но, кажется, он безопасен.

Неожиданно передо мной встало дерево с тёмно-синими яблоками. И тут я вспомнила, что после приземления на эту планету ни разу не ела. И сразу почувствовала нестерпимый голод. Когда я была на Земле, я ела понемногу, но очень часто, и совсем не могла терпеть голод.

Но неизвестно, можно ли есть эти странные плоды. Я обошла дерево вокруг, как новогоднюю ёлку, и заметила какую-то ушастую тварь. Зверюшка была размером со спаниеля, она сидела на ветке и с аппетитом уминала яблоко. По усам и бороде стекал тёмно-синий сок. Судя по всему, плоды дикого цвета есть всё-таки можно, и я сорвала один.

«Яблоко» оказалось вкусным и сочным, не похожим ни на что. Сока было много, и будь у меня усы и борода, я бы уподобилась ушастому зверю, но их не было, и наверное я стала похожа на свинью, напившуюся чернил. Утверждать с гарантией я не могла, поскольку себя не видела, но что-то мне подсказывало, что так оно и есть.

Впрочем, какая разница, если на мне не было даже трусов.

Сзади раздался шорох, и я вздрогнула. Обернулась. За моей спиной стоял мужчина. Он был одет в джинсы и кожаную жилетку на голое тело, и очень напоминал кого-то из прошлой жизни.

– Вы не подскажете, это можно есть? – спросил он меня, не раскрывая рта. Я настолько удивилась чревоуещанию, что ничего не ответила. Мужчина подождал ответа, нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

Я вгляделась в лицо. Кто же, кто же это? Я ведь его знаю, совершенно точно знаю. Почему забыла? А мужчина меж тем начал светиться. Сначала еле заметно, и я даже подумала, что мне показалось. Но спустя несколько секунд сомнений не осталось. Судя по его удивлённому взгляду на меня, со мной тоже что-то происходило. Видимо, здесь при разговоре люди сами себя освещают, подумала я, и, пока на человека можно было смотреть, не зажмуриваясь, сорвала и протянула ему яблоко.

– Да, – сказала я вслух. – Можно.

Он протянул руку, взял яблоко. Я внезапно подумала, что сейчас мы похожи на Адама и Еву в момент грехопадения. И, не успев додумать мысль до конца, вздрогнула.

Это же Юрка! Это мой вечный друг Юрка. Как я могла его не узнать?!

– Юр? – а вдруг это инопланетное наваждение?

– Ага, – ответил он, расплывшись в улыбке, и я поняла, что он узнал меня раньше.

Мы нарвали синих плодов и сели под деревом, прислонившись к стволу. Интересно, как Юрка умудряется говорить молча? Может, он мне мысли внушает? Я решила попробовать.

– Юр, – подумала я.

– А? – тут же отозвался Юрка. Я резко обернулась к нему, но не поняла, он ответил голосом или мыслью.

– Ты меня слышишь? – сформулировала я следующую реплику внутри головы.

– Слышу, конечно.

– Ух ты!

Тут мне стало интересно, Юрка слышит весь шумовой фон, что у меня внутри черепной коробки, или только то, что я ему транслирую? Решила провести эксперимент. Прочитала стишок про бычка, который идёт и качается, потом снова позвала Юрку.

– Я тебя слышу, – отозвался он. – Только не понял, зачем ты мне детские стишки рассказываешь?

– Значит, ты слышишь всё, что в моей голове? – ужаснулась я вслух.

– Нет, не всё, – Юрка ответил мысленно. – Только то, что ты мне рассказываешь.

– Так я про бычка не тебе, а сама себе.

– Но ты же всё равно думала обо мне, значит, получилось, что мне.

– Вот досада... Придётся как-то учиться говорить по-здешнему.

– Это быстро, – ответил Юрка. – Я за неделю научился.

– Как за неделю? Мы же только вчера в убежище сидели, когда земля рушиться начала?

– Да где вчера? Два месяца назад уже!

Я поняла, что голова у меня идёт кругом, и информация, полученная только что от Юрки, там совсем не помещается. Либо он пытается надо мной шутить, либо я вообще ничего не понимаю. Потом, наверное, разберётся, а пока можно спросить что-то нейтральное.

– Раз ты тут так давно, скажи, пожалуйста, откуда у тебя одежда.

– Да тут есть. Не в лесу, конечно, а вон там, в домах, есть, – Юрка неопределённо махнул рукой. – Я тебе покажу.

Я не видела никаких домов, хотела выяснить подробности, но Юрка перебил:

– Дай мне, пожалуйста, ещё этот лиловый шар. Вкусные они, оказывается.

Ханна сразу заметила, что с мамой что-то не так. Она говорила о всякой ерунде, подкладывала картошку, и была не здесь.

– Мам. Что? – спросила Ханна в лоб, отложив вилку. Мама сначала замахала на неё руками, но потом потупилась, стала разглаживать руками скатерть.

– Ну, говори уже, пожалуйста! – взмолилась Ханна. Она подозревала, нет, даже была уверена, что мамины анализы показали рецидив. То, чего она боялась все эти годы, что видела в повторяющихся страшных снах.

– Маркеры выше нормы, – сказала мама.

Ханна ухнула в пропасть. Надо что-то сказать, что-то сказать... А что?

– Мам... Ну мы же снова победим, правда?

– Дочка, второй раз обычно проигрывают.

– Плевать, мы будем первыми!

Мама устало махнула рукой. Ханна неловко придвинулась к ней вместе с табуреткой и обняла за плечи.

– Мамочка, милая моя, ну, пожалуйста, не сдавайся! Ты мне очень-очень нужна!

– Ханн... Выйди замуж, а? Чтобы моя душа была спокойна. Что вы с твоим Сашкой живёте, как нелюди? Не семья, не соседи... И детей нет.

– Мама, ты опять? Не надо, пожалуйста!

– Да что опять, Ханночка? Не хочу, чтобы ты одна на свете осталась.

– Вот и давай лечиться, да, мамуль? Не бросай меня одну!

– А ты всё-таки выходи замуж. Если Сашка не хочет, надо его бросать, и нового искать. Пока не поздно. Тебе двадцать девять лет, время-то идёт, а ты всё в девках.

– Это не Сашка, это я не хочу, – ответила Ханна, но они обе знали, что это неправда.

11

Меня тянуло к Юрке. Его свет окутывал тёплым облаком, проникал в каждую клеточку. Я подползла к нему поближе и прижалась. Кажется, Юрка был не против. Обнял меня за плечи сначала одной рукой, потом двумя сразу, приник губами к моим волосам.

– Юрка... Ты почему тут такой классный?

– Это же параллельный мир, я здесь другой. И ты другая. Очень красивая. И светишься.

Мы долго молчали. Невозможно было оторваться друг от друга, и говорить ничего было не нужно. От Юркиных рук шло такое же тепло, как от того неведомого насекомого с улыбкой.

Насекомое, кстати, было здесь же, висело у Юрки над головой, то ли мечтая на него сесть, то ли наоборот, боясь это сделать.

Всё это было похоже на наваждение. На ровном месте возникшая нестерпимая любовь к старому другу, с которым было сотни километров пройдено, литры слёз пролиты в жилетку, литры коньяка выпиты, пережита тысяча приключений, и абсолютно никакой романтики. Чудеса же!

Я заметила, что рядом с нашими плечами вьются сразу два крылатика. Наверное, мы их привлекаем своим светом, как мотыльков.

– А это кто? – я кивнула на насекомых.

– Слушай, я не знаю, – ответил Юрка. – За мной всё время одна такая летучка летает. Один раз пытался отогнать, так она меня током ударила.

– Ого! – я удивилась. – А меня наоборот грела лапами.

– Меня тоже, когда я только вылез на сушу. Она сразу прилетела и села на меня.

12

Ханна размашисто красила глаза. Сашка расслабленно сидел на диване, широко расставив ноги.

– Мужиков кадрить пойдёшь?
Ханна опустила руку с кисточкой:
– Саш. Если ты ещё не понял, я не из тех, кто открывает вторую дверь, не закрыв первую.
– Как меня бесит твоя манера изъясняться!
– А чего терпишь-то? – Ханна махнула тушью и снова принялась за макияж, отвернувшись к зеркалу.
– Люблю тебя, – ответил Сашка. – Жить без тебя не могу.
– Не мог бы жить, женился бы давно. А ты всё сомневаешься.
– Что ты на меня давишь! – взорвался Сашка и даже ноги подобрал.
– Я не давлю, я говорю, что для меня это важно, – Ханна нервно закурила тушь.
– А для меня важна свобода.
– Ну и катись тогда на свободу! Что ты мне уже шесть лет голову морочишь?!

Сашка встал, подошёл к ней.
– Ну, ты чего завелась-то? Случилось что?
– Случилось. У мамы рецидив. Она хочет, чтобы я побыстрее вышла замуж и нарожала ей внуков.
– Нууу! Ты же не обязана идти на поводу у её желаний? Нам же с тобой и так хорошо, малыш, правда? – Сашка обнял Ханну. Она прижалась к его крутой груди, осторожно отвернув голову, чтобы не смазать тушь.
– Брось ты эти глупости. Живём себе и живём.
Ханна молчала. Ей не хотелось снова ссориться.
Сашка и так был крайне недоволен. Мало того, что ужин теперь приходится готовить самому, так ещё и секса не допросишься, потому что его собственная женщина, видите ли, устала.

13

Я заметила сову! Настоящую, земную, пёструю. Если бы она не мотнула головой, я бы её не заметила.
– Юрка, смотри!
– Куда смотреть?
– Сова!
– Где?
– Да вон, вон!
Юрка долго не могу увидеть птицу, потому что, мотнув головой, она снова замерла.
– О, вижу!
– Слушай, так это не другая планета, что ли? Раз совы земные. Тогда что тут ещё за твари водятся?
– Ханька, я пытался думать об этом, но испугался сойти с ума. Думаю, это параллельное пространство какое-то. И раз мы сюда сумели проникнуть, почему бы и сове это не сделать?
– Логично, – согласилась я. Скорее всего, Юрка прав. Мы каким-то образом умудрились оказаться в параллельном мире. В самом деле, если у науки нет таких данных, это же не значит, что параллельных миров точно не существует?
Мы брели по лесной дороге, две летучки от нас не отставали, так и болтались где-то за головами.
– Юр, как ты думаешь, мы домой вернёмся? В свой мир?
– Не знаю. По идее, надо бы. Я Пашке денег должен.
– Тогда у тебя наоборот есть резон не возвращаться, – засмеялась я.
– Да не, – ответил Юрка. – Я как раз деньги собрал. Правда, я тут уже столько времени торчу, что Пашка, наверное, уже смирился.

– Юр, я ничего не понимаю. Я тебя видела вчера. То есть, позавчера.

– А я тебя два месяца назад. Скорее всего, Ханн, это какая-то временная петля, причуды параллельного мира.

Я согласилась, потому что своей версии у меня не было.

14

Она вылезала из машины с буквой «У» насквозь мокрая, несмотря на мороз, и приходилось идти в ближайшую кафешку, чтобы немного остыть и успокоиться.

Домой Ханна возвращалась поздно, очень медленно разматывала шарф, стаскивала за рукав куртку, закидывала шапку на вешалку, выслушивая ворчание Сашки, полчаса бесцельно слонялась по квартире и легла спать.

На самом деле Ханна не засыпала в первую секунду, коснувшись подушки. Она отворачивалась к стене и замирала, изображая ровное и глубокое дыхание, чтобы Сашка её не трогал. В голове теснились мысли. О маме, чаще всего о маме. Они лезли непроизвольно и непрошено, они были тяжёлыми, и тогда Ханна даже судорожно вздыхала. Это ничего, это и во сне можно. Чтобы не закручивать чёрную воронку в голове, Ханна усилием воли переключалась на вождение. Мысленно повторяла последовательность необходимых действий за рулём, вспоминала правила из книжки и данные инструктором между делом советы.

15

Лес кончился. Уже рассвело, точнее, небо снова поменяло цвет с зелёного на белёсый. За лесом обнаружилось поселение. Юрка смотрел на появившиеся дома как на само собой разумеющееся.

– Надо же, дома, – высказала я своё удивление.

– Ну да, дома. Просто мы все из моря в пустыню вылезли, а дома здесь всегда были.

Впрочем, домами эти сооружения было сложно назвать. Они походили на постройки бомжей на помойке, я по телевизору видела. Словно собранные из фанеры и прочего мусора, похожие на собачьи конуры.

– Ты тут живёшь?

– Не, я чуть подальше, там дома попрличнее. Но здесь можно поесть. Вон тот крайний дом – столовка.

– У меня денег нет.

– Ты знаешь, у них тут коммунизм, что ли, деньги не нужны. Я вообще не понимаю, такое ощущение, что всё берётся из воздуха. И вещи, и еда. Тут суп очень вкусный. Я не знаю, из чего его готовят, но рекомендую, пойдём.

– Наверное, из какого-то местного животного, – предположила я.

– Может быть. Пойдём, – Юрка взял меня за руку и потянул. По моему телу снова пошло тепло от его руки.

– Юр, подожди! Я же не могу голая идти?

– А что, – поддел он. – Ты и голая очень красивая. Даже лучше, чем в одежде. Похожа на похудевшего аксолотля.

– Дурак! – я выдернула руку из его руки, и почувствовала ошутимый укол в плечо.– Ай! Я завертела головой, но Юрка был с другой стороны, а над плечом, за которое я инстинктивно схватилась, зависла летучка.

– Это ты меня, что ли, током? – возмутилась я. – Почему?

Летучка не отвечала, и вообще делала вид, что она ни при чём.

– Ладно, Ханн, прости, пожалуйста. Пойдём тогда сначала за одеждой... Ой, летучка...

Вторая летучка села Юрке на макушку и приложила лапки к волосам. Юрка расплылся в блаженной улыбке.

– Я поняла, – сказала я. – Одна из них бьётся током, а вторая греет.

16

Она уже не отзывалась. Ханне, выбившейся из сил и истратившей всё сердце, удалось устроить маму в хоспис. Это немного облегчало жизнь, но общаться оказалось уже невозможно. Опухоль в голове стала главной, мама не могла говорить и не узнавала Ханну, которая заезжала на час после работы, чтобы просто посидеть рядом и подержать маму за руку.

В тот день, когда волонтеры принесли ящик мандаринов, у Ханны случилась истерика.

– Какие мандарины? Зачем ей мандарины?! – орала она на ошарашенно моргающую девушку-волонтера. В палату прибежала медсестра, ещё кто-то из персонала, увели Ханну на пост и вкололи укол. После укола стало легче, и Ханна всерьёз стала думать, что хорошо было бы положить её рядом с мамой. И колоть – маме обезболивающее для тела, а Ханне – для души.

На следующий день в дверном проёме вдруг нарисовался отец. Ханна не видела его несколько лет, но узнала.

– Привет, Хань. Как мама?

Ханна встала со своего стула и остановилась. Она не сразу придумала, что ответить на этот вопрос. В конце концов сформулировала:

– Ты что, сам не видишь?

– Да, да, – растерянно сказал отец. – Какая она стала... ссс... худая...

Ханна промолчала, но отец молчать не мог.

– Ханя, что ж вы так упустили время? Разве нельзя было поймать болезнь в начале, и вылечить?

Стерпеть это было уже выше сил Ханны.

– А ты где был раньше? Где ты был, а? Если разобраться, это вообще ты во всём виноват.

– Я виноват? Между прочим, когда она в первый раз заболела, я был рядом, и я её возил по врачам!

– Да?! А ты не помнишь, что она заболела после твоей любовницы, нет?

– Какая связь между маминой болезнью и моей... Какая?!

– Да прямая, ты чего, совсем не понимаешь?! – Ханна снова начала повышать голос.

– Да ни при чём она! К тому же я тогда остался, и не уходил, пока она не выздоровела!

– А потом ушёл, и добил!!!

– Ты что, с ума сошла? Не ори при маме, ей и так плохо!

– Это ты виноват! Это ты во всём виноват! Тебе всегда было на маму плевать!!!

И снова прибежал персонал, и снова Ханну увели на пост.

– Завтра подойдите ко мне, поговорим, – заглянула к ней мамина врач.

«Мне запретят сюда приходить», – отрешённо думала Ханна, когда ехала домой. Если кто-то каждый день будет устраивать скандалы, этого кого-то выгонят и больше не пустят.

А на следующий день Ханну разбудил этот звонок. Все страшные звонки раздаются в пять утра. К маминому врачу можно было не ехать. И персоналу можно было не бояться очередных Ханниних скандалов.

17

Мы вошли в одну из этих избушек на курьих ножках. Интерьер, похоже, был позаимствован у кочевых народов. На полу лежал удивительной красоты ковёр, и стояли какие-то предметы мебели – смесь кресла, шезлонга и гамака. На креслах – подушки и покрывала. Всё это было украшено затейливыми орнаментами и притягивало взор.

– Ты ж моя радость! – всплеснула руками полная женщина, хозяйка дома. Я удивилась, мы не были знакомы раньше. Или были, и я её не узнаю, как Юрку? Присмотрелась получше, но всё равно ничего знакомого в её лице не увидела.

– Здравствуйте.

– Сейчас, сейчас... – женщина ничего не спрашивала, просто открыла ящик или сундук, который стоял в углу, и который я не сразу заметила.

– Вот, – уверенно сказала женщина и протянула мне платье.

Я не разделяла её уверенности, что это подходящая вещь. Раз уж мы по лесам бродим, какие-нибудь брезентовые штаны были бы удобнее. Впрочем, я платье взяла, женщину поблагодарила, и оделась.

И тогда поняла, что хозяйка платья была права.

Оно было... Оно было моим. Не восхитительно красивым, захватывающим дух, как моё синее бархатное из детства. И не особенно функциональным. Но в нём мне оказалось как во второй коже.

Платье было светлым, как небо. Длинным, похожим на древнегреческий хитон. Из очень мягкой, тонкой и приятной на ощупь ткани. Может быть, это шёлк или батист – я не очень разбираюсь в тканях. Просто знаю, что до сих пор ничего похожего мне носить не приходилось.

После этого женщина со словами «одежда не должна быть ярче лица» вытащила из сундука невесомую трикотажную кофту, чуть темнее, чем платье. И ботинки, сшитые кожаными шнурками через край. Подошва тоже была кожаная. Я облачилась. Восхищение не покидало меня. Такой удобной одежды и обуви я никогда не видела.

– Красавица, – улыбнулась женщина.

– Да, – восхищённо выдохнул Юрка.

И я поняла, что да, я в самом деле красавица, несмотря на прозрачную кожу, костлявые руки и бесцветные ресницы.

18

Пустота. Ханна лежала на застеленном диване и смотрела в потолок.

– Хань, ну чего ты?

– Ничего. Оставь меня, пожалуйста, в покое.

– Пойдём, поедим, я пельменей сварил, – не отставал Сашка.

– Я не хочу.

В горле комом так и стояла поминальная кутья, единственная крошка еды за эти три дня, засунутая в Ханну сердобольными соседями.

– Ты совсем растаешь, и так тощая.

– Неважно.

– Пошли есть!

– Отстань.

Сашка притащил тарелку пельменей, щедро политых сразу и кетчупом, и майонезом. Он наколот один пельмень на вилку, вымазал в соусах и протянул лежащей Ханне, капнув на подлокотник.

Зрелище было омерзительное. Бесформенный кусок теста, в красно-белых разводах, воняющий мяскокомбинатом и глутаматом. Ханна вскочила и убежала в туалет. Склонилась над унитазом, но тошнить было нечем.

– Ну, ты ваще, – откуда-то из-за спины обиженно сказал Сашка.

– Саша, оставь меня, пожалуйста, в покое!

– Я пойду прогуляться, – сказал Сашка, надевая свою чёрную куртку, звенящую застёжками. Тарелку с пельменями он оставил у зеркала в прихожей.

19

Юркин дом находился в следующем поселении. Юрка мне все уши прожужжал, что у него гораздо просторнее, чем в харчевне, и у женщины с одеждой. И что окна есть, даже с резными наличниками.

Мы снова шли по пустыне. Точнее, я бы теперь назвала это полем. Ноги щекотали стебли растений, а среди травы иногда мелькали вполне земные ящерицы.

Один раз нам навстречу попался мужчина лет пятидесяти в свитере и с рюкзаком. Он шёл грустный, и мы с Юркой подумали, что его надо чем-то утешить.

Мне совершенно не хотелось приставать с вопросами и дежурными словами, и я убедила Юрку отдать мужчине наши самаки. Впрочем, «убедила» – громко сказано. Если бы я уговаривала Юрку как Сашку из того, нашего мира, мужчина бы ушел очень далеко, и, может, даже успел повеситься. Но здесь нам хватило двух взглядов и диалога: «Ты думаешь?» – «Уверена!».

Самаки мы взяли в столовой. Это было нечто, эволюционно ближе всего к пирожным из суфле на тончайшем ломтике карамели. Или к зефиру. Впрочем, нет, зефир слишком грубый.

– Мужчина, – я догнала его. – Это вам.

Мужчина удивился.

– Зачем?

– Я очень хочу, чтобы вам стало радостно и тепло, как будто летучка лапками погрела, – ответила я.

Мужчина невольно улыбнулся.

– Да вы сами съешьте, девушка.

– У нас ещё есть, – ответила я, махнув головой на Юрку.

Мужчина снова улыбнулся и взял у меня из рук один самак.

– Всё, больше не возьму, и не уговаривайте.

– Спасибо, – сказала я и вприпрыжку побежала к Юрке.

– Вам спасибо, – крикнул мне в спину мужчина. А я почувствовала между лопаток прикосновение тёплых лапок летучки.

– Надеюсь, ему так же хорошо, – улыбнулась я.

20

Ханна отпихивала Сашкину руку, лезущую в трусы.

– Саша, ну, пожалуйста!

– Хань, ну надо же тебя как-то утешить!

– Не надо меня утешать. Саша, ты понимаешь, что я вообще сейчас ничего не хочу!

– То есть, я тебя как мужчина уже не привлекаю, да? Вот спасибо! – Сашка нервно отвернулся, выставив в сторону Ханны пятую точку.

– Саш. Я сегодня похоронила маму. Как ты думаешь, я могу хотеть хоть чего-то?

– Бред, – глухо ответил Сашка. – К этому всё давно шло. А ты строишь из себя страдалицу.

– Ты... – Ханна начала, но замолчала. Что можно ответить на это? Что нельзя быть готовым к смерти? Что даже ожидаемая смерть не перестаёт быть горем? Кажется, если человеку приходится объяснять такие вещи, то это бесполезно.

– Какой же ты...

– Я какой? Я какой? – вскочил Сашка. – Да пошла ты, цаца нежная! Я весь день вокруг неё прыгаю, как клоун, а она глазки закатывает!

Сашка рывком раскрыл шкаф, вытащил гостевое одеяло. Притащил с балкона раскладушку и сердито угрохотал на кухню, царапая стены.

Ханна тихонько расплакалась.

Всё неважно. Всё зря. Вся жизнь не такая.

21

– Странно, – сказал Юрка, вертя головой. – Никак не привыкну, что тут всё из ниоткуда берётся.

Мы оказались в парке. Парк был словно кусочком того, нашего мира, только очень чистый и ухоженный. Среди деревьев неизвестных мне местных пород изредка попадались липы и тополя.

– А чего тут не было? – спросила я.

– Вообще этого парка не было, – пожал плечами сбитый с толку Юрка. – Ладно, пойдём, посмотрим, что тут. Обычно то, что появилось, уже не пропадает, так что стоит ознакомиться.

Мы всё время ходили, держась за руки. Словно подключенные к аккумулятору, ощущая постоянную циркуляцию какой-то хорошей энергии. Кажется, именно эта энергия и называется любовью.

На аллее обнаружили скамейки. У них была немного необычная форма, и мне очень захотелось попробовать на ней посидеть.

– Юр, давай сядем на минуточку? – я потянула Юрку за руку. Он поддался, и мы сели. Было действительно удобно. Я подумала, что в этом мире как-то всё тонко продумано. И одежда, и лавочки.

Силуэт на боковой аллее меня насторожил. Не могу сказать, я сразу узнала идущую, или она смутно показалась знакомой. Просто натянулась какая-то струна вдоль позвоночника, а в мозгу зазвенел колокольчик. Очень настойчиво зазвенел. В этом мире почему-то многое происходит на уровне шестого чувства, раньше со мной такого не было.

Я вскочила.

– Ты чего? – спросил Юрка. Я отобрала у него свою ладонь.

– Сейчас! – и я помчалась в боковую аллею.

Я слышала, как он звал меня, почувствовала укол летучки.

– Ссс! – я с досадой хлопнула себя по плечу, словно пытаюсь убить комара, но скорость не сбавила.

Она шла, кажется, не торопясь, но я никак не могла её догнать.

Парк закончился, началось поле, которое постепенно сменилось каменистой пустыней.

– Мама! – не выдержав, заорала я на весь параллельный мир.

Она остановилась и обернулась, светясь ярче Солнца, которого здесь как раз не было.

22

Сегодня надо выходить на работу, но сил не было. Ханна честно встала, медленно пробралась мимо раскладушки с Сашкой к чайнику, щёлкнула кнопкой. Сашку Ханна будить не стала, впрочем, она была уверена, что он и не спит.

Чай в горло полез, целых полчашки. На этом Ханна завтрак закончила, механически накрутила глаза, оделась в первую попавшуюся юбку – всё равно под стойкой ресепшена не видно – и одну из салатных блузок. Блузки у администраторов форменные, и это хорошо, хотя бы над одеждой думать не надо.

В автобусе удалось сесть, и Ханна прилипла к окну. Сегодня шёл снег, мела выюга, было ещё противнее, чем обычно. Ханна вспомнила про вождение. Надо будет позвонить инструктору и сказать, что она готова продолжать.

На работе – все эти слова сочувствия, на которые надо что-то отвечать, все эти соблазна. Мука мученическая. Лучше бы все делали вид, что ничего не происходит, легче было бы взять себя в руки.

После обеда почему-то вернулась бабушка Лёвы вместе с Лёвой.

– Забыли что-то? – Ханна участливо улыбнулась.

– Я к тебе, Ханночка. Дай-ка мне чашку свою.

– Зачем? – удивилась Ханна.

– Давай-давай.

Ханна пошарила за спиной на полке, не отрывая глаз от Лёвиной бабушки.

– Вот.

Бабушка вытащила из сумки термос и налила оттуда что-то. Полчашки.

– Что это? Бульон? – догадалась Ханна, приняв хавшись.

– Бульон, – подтвердила бабушка. – Девочки сказали, что ты не ешь ничего, а держаться-то как-то надо. Я знаю, что ничего тебе не хочется. Но надо, золотой мой. Понемножечку, по глоточку. Выпей, силы появятся.

– Спасибо, – искренне сказала Ханна. – Я попробую.

Бульон оказался удачной идеей. Выпив полчашки, Ханна испытала удивительную сытость, словно съела хороший комплексный обед.

Лёвина бабушка удовлетворённо спрятала термос.

– Вот и хорошо, Ханночка. Выкарабкаешься, выберешься. Без мамы как без крыльев, знаю. Но что делать? Когда-то приходится становиться самой старшей.

Вечером Ханна заехала в свою любимую кафешку. Урок вождения поставили на завтра, а домой не хотелось. Ханна опасалась брать кофе, чтобы не заработать бессонницу, заказала чашку чая с мятой и вазочку паннакоты. Долго сидела и ковыряла ложечкой свой изысканный ужин, с заледеневшим сердцем глядя в чёрное окно.

Хорошо, что мама была. Хорошо, что она забрала Ханну из детского дома и позволила ей ещё почти тридцать лет не быть самой старшей.

23

– Мама, мамочка, ты живая, – я рыдала, обхватив её руками, и стуча зубами. Меня била дрожь.

– Ханночка, девочка моя!

– Мамочка, ты живая, ты здоровая, да? Ты здесь живёшь, да? Я тебя нашла, я тебя вижу, – шептала я громким шёпотом.

– Почему-то здесь, да, – странно ответила мама. Она тоже изо всех сил обнимала меня. Взъерошила мне волосы.

– Ты такая красивая стала, милая, – сказала она, явно любясь мною.

Я засмеялась сквозь слёзы.

– Ты тоже красивая...

– Малыш, я тут не надолго. Мы чуть-чуть с тобой поговорим, и мне надо идти.

– Мам, мама, разве это не тот свет? Я подумала, что я тоже умерла, и мы с тобой, наконец, встретились.

– Ханночка, я не знаю, откуда здесь ты. А я живу там, – мама махнула рукой в сторону какой-то свинцовой занавеси, которая колыбалась у неё за спиной от едва заметного движения воздуха. – И мне надо идти.

– Не надо, – прошептала я. – Мне плохо без тебя. Даже здесь плохо, где Юрка, где всё так удобно, вкусно и красиво. Мне тебя всё равно не хватает!

– Прости меня, крошка моя. Но законы природы я не могу нарушать, – грустно сказала мама.

Она пятилась задом, пока не скрылась за занавесью. Я стояла, словно оцепенев, и смотрела, как она уходит. Когда свинцовая занавесь поглотила маму, сомкнувшись, как волны, я очнулась и бросилась к этой странной преграде.

Я толкала занавесь. Она была мягкой, даже как будто её вообще не было, но пройти внутрь я не могла никак. Я била в неё кулаками, отмахивалась от жалящей меня летучки, и вдруг услышала мамин голос.

– Ханя, приём! Ты меня слышишь?

– Да, – ответила я вслух, перестав лупить полу-реальный свинец. И повторила мысленно:

– Да.

– Вот и хорошо, малыш. Видишь, я здесь, мы можем разговаривать.

– Хорошо, – сказала я, села под занавесью и стёрла слёзы с лица. Оно всё было мокрым.

И воротник кофты, и платье. Ничего себе, я наплакала.

– Это же лучше, чем ничего, правда? – спросила мама чуть виновато.

– Да, мамочка. Конечно, лучше, – я попыталась улыбнуться.

– Иди, крошка, к своему Юрке. Живи дальше.

Я кивнула, и из точки между лопаток снова разлилось тепло.

24

Сашка ночевать не пришёл. Ханна всю ночь ворочалась, не сомкнув глаз. Звонила ему. Тянулись длинные гудки, потом включался автоответчик, но Сашка трубку не брал.

А в семь утра вдруг ответил:

– Что ты названиваешь? Я не мог подойти.

– Ты где? Что случилось?

– Ничего, нормально, дела тут кое-какие возникли.

– Саша, какие такие дела, если ты даже на секунду мне не набрал и не сказал, что не придёшь?! Я всю ночь не спала, волновалась.

– Надо же, я тебя ещё волную...

– Так ты специально, что ли? – ужаснулась Ханна.

– Не то чтобы совсем специально, – мстительно сказал Сашка.

– Ну и гад же ты! – задыхнулась Ханна, изо всех сил ткнула в «завершить вызов» и швырнула телефон в стенку. Опомнилась, вскочила, подбежала, подняла.

– Жив, телефончик! Прости меня! – и погладила экран. Сашка гад, но телефон-то в чём виноват?

К счастью, у Ханны был выходной, и после разговора с Сашкой она, успокоившись, уснула. Проспала до обеда, потарасилась в потолок, встала, выпила кофе с кардамоном.

Позвонила Юрке.

– Привет, Юр, ты занят сегодня?

– Привет, Ханька. На концерт иду после работы. О, хочешь со мной?

– Хочу, – ответила Ханна. Ей было всё равно, куда идти, лишь бы не домой.

25

Юрки не было. И вообще весь парк изменился, словно потускнел. Я обошла все аллеи, заглянула во все возможные углы, беседки и закутки. Я покричала Юрку, но бесполезно.

Вышла из парка. Дорожка вела куда-то вперёд, и я подчинилась ей. Возможно, она приведёт меня в тот посёлок, где у Юрки дом с резными наличниками. Мне было очень грустно, впервые в этом мире. За какие-то считанные минуты я потеряла всех.

Где-то через пару километров пути ко мне прицепился зверь. Он был похож на большую ящерицу на длинных ногах, и резво бежал за мной, с сочувствием заглядывая в глаза. Я улыбнулась ему.

– Ты тоже похож на аксолотля, – сказала зверю. – Только я на похудевшего, а ты на нормального. Я чушь какую-то несу... Тебя можно погладить?

Зверь не убежал. Я почесала ему за тем местом, где должно быть ушко, почесала шейку – он зажмурился, задрал мордочку, совсем, как кот.

– Будешь моим животным? – спросила я, глядя его по нежной лысой головке. Кажется, зверь был не против. Мне стало немного легче. Всё-таки, хоть одна живая душа рядом нужна всем. А со мной теперь даже две живых души, если летучку тоже считать. Интересно, похоже, одна летучка осталась с Юркой, а вторая летает за мной. И жалится. Значит, мне досталась кусачая летучка, а Юрке добрая.

Нет, стоп. Когда я плакала на границе загробного мира, кто-то же грел меня. Выходит, эти летучки многофункциональные? Кто они вообще такие? Прицепилась и действует по своему усмотрению. То ужалит, то погрееет.

Странно у них тут всё-таки.

26

Отгрохотал концерт, музыканты сматывали провода, прятали гитары в кофры, ударник неторопливо откручивал барабаны. Кто-то бесцельно бродил по залу, кто-то кого-то ждал и поторапливал. Стоял бессмысленный гул, и Ханне было хорошо, насколько это возможно.

Музыка её не впечатлила. Юрка оставил Ханну на пару минут, поймал около сцены басиста, пожал ему руку. Они перекинулись парой слов, чему-то поохотали, и разошлись. Юрка вернулся к Ханне с двумя бокалами пива.

– Ну, рассказывай, кума, что там у тебя за безобразие творится? – спросил Юрка, проскальзывая на диванчик напротив Ханна.

– Да ну, – махнула рукой Ханна.

– Пиво пей, – Юрка пододвинул бокал Ханне, оставив пивной след на глянце стола.

– Спасибо, – она взяла бокал и отхлебнула. Это был уже второй бокал за сегодня. – Сейчас напьюсь.

– Ну и напейся, – согласился Юрка. – Я погружу твоё бесчувственное тело в такси и отвезу... куда тебя везти? Скажи сейчас, пока можешь говорить.

– Да ну тебя, Юр, – отмахнулась Ханна, невольно улыбнувшись.

Они молчали минут пять, уделяя внимание только пиву. Посетителей стало меньше, гвалт – тише. Музыканты освободили сцену и улаживали какие-то последние дела, Ханна рассеянно следила за их перемещениями.

– Вот Юр, как ты думаешь... Я только похоронила маму. Вот можно меня хоть на несколько дней оставить в покое? Не кормить, не домогаться, не требовать от меня бодрости и веселья? Можно просто обнять и помолчать?

Юрка взъерошил себе волосы и почесал макушку.

– Ну, кормить – это неплохо, мне кажется. Разве нет?

– Уточню: настойчиво кормить, когда кусок в глотку не лезет.

– Спасибо, что сказала, Хань, мне это в голову не приходило.

– Юр, не верю. Ты бы сообразил.

– Ну, может, и сообразил бы, не знаю. Но, мне кажется, ты меня переоцениваешь. А насчёт домогаться... Ты понимаешь, какая история. У нас, у грубых самцов, это как раз один из способов утешения. Я бы даже сказал, главный способ. Всё плохо – надо потрахаться. Видимо, он тоже пытался тебя так утешить.

Ханна замерла, не мигая.

– Ты что, серьёзно вот это?

– Абсолютно. Мы совершенно не утончённые чурбаны. Так что, Хань, ты особо строго его не суди. Объяснила – понял. Не понял – черпаком по чайнику.

Ханна замотала головой, сдерживая смех.

– Ты пей пиво, пей. Это, между прочим, тоже один из способов утешения. Ну, я на всякий случай, вдруг ты меня тоже заподозришь в бесчувственности?

27

Повторюсь, тут всё очень продуманно. Сегодня, например, я спала на улице в какой-то мягкой массе. Внезапная моя постель была похожа на большую хлопковую коробочку, торчащую прямо из земли. Я даже попробовала спрясть небольшую ниточку из этого пуха, прежде, чем уснуть. Получилось.

Чудной зверь лёг спать со мной. Я поделилась с ним остатком лепёшки, и он её съел. Похоже, хлеб и его подобие неизменен во всех мирах.

Мы схрумкали лепёшку, я поэкспериментировала с ниточкой, сгребла свою ящерицу в охапку, и улеглась поудобнее. Мне было очень грустно без Юрки. Даже не то слово – грустно! Больно и одиноко, словно меня и правда половина. Очень хотелось с кем-то обняться. Хорошо хоть зверь есть.

– Я назову тебя Барсиком, хорошо? – пробормотала я ему, засыпая. – Ты будешь моим тёплым котиком.

28

– Уходи, – сказала Ханна.

– Ну почему, почему? – огромный Сашка, кажется, был в растерянности.

– Это невозможно! Твоё наплевать, твои бабы, я не хочу всё это терпеть!

– И что? Ты пять лет потратила на меня, и останешься одна? Ну, если тебе так надо пожениться, пошли жениться.

– Да не надо мне от тебя уже ничего! И не надо беспокоиться о моём одиночестве!

– А о моём одиночестве?! Не только ты одна останешься, но и я!

– Ты? Один? У тебя вон, очередь, – Ханна махнула головой в сторону окна, за которым, очевидно и была очередь.

– Ты дура, что ли? Ну, сходил один раз налево!

– Не один!

– Да какая разница! Я живу с тобой, бросать тебя не собираюсь, еду покупаю! Чего тебе ещё надо!

– Я тебя бросаю, я! Уйди ты, пожалуйста! Не трать мои нервы, мои силы!

– Что тебе надо?

– Мне надо не тебя!

– Так ты нашла кого-то?

– Найду, когда место освободится!

– Ха! – Сашка зло рассмеялся. – Кого ты найдёшь? Кому ты нужна, серая моль?

Опять моль. Всё, вот теперь точка невозврата пройдена. Ханна сжала зубы, подошла к двери, открыла её:

– У-хо-ди.

– Ага! Обиделась всё-таки, – почему-то торжествующе сказал Сашка.

– Много чести, – фыркнула Ханна.

29

Утром я вдруг вспомнила про чтение мыслей и попыталась докричаться до Юрки. Но он молчал. Тогда я позвала маму. Мама ответила сразу, и мы немножко поговорили. Я рассказала про Юрку, про Барсика и хлопковую коробочку. Спросила, что интересного там, где мама. Она ответила, что об этом говорить нельзя, но пусть я за неё не переживаю. Сказала, чтобы я шла куда-нибудь, где есть люди и дома, чтобы не чувствовать себя одинокой и не заводить стадо

Барсиков. Я посмеялась, потому что в этом мире мама была точно такой же, как и в том, откуда я сюда телепортировалась.

После сеанса телепатии с мамой я снова позвала Юрку, но в ответ была тишина. Я даже расплакалась, но летучка с Барсиком окружили меня своей любовью, и я решила, что расстраиваться не буду, а пойду искать Юрку.

На дороге случилось странное происшествие. Мне навстречу бежал лысый парень. Передо мной резко затормозил:

– О! Здравствуйте! Спасибо, что тогда спасли меня!

– Я? Спасла?

– Да! Тогда, на озере! Я просто сейчас волосы состриг, вот вы меня и не узнаете! – и он помчался дальше.

Я вспомнила. Никогда не думала, что я его спасла. По-моему, он сам вылез из воды, этот длинноволосый парень, похожий на водяного. А я просто стояла рядом.

30

– Ханка, привет! – взорвалась трубка Дашкиным голосом. Дашка пришла к ним в одиннадцатом классе. Села к Ханне. Дашка была чужой, и, что самое странное, становиться своей не жаждала. А вот с Ханной они сдружились.

Ханна сначала даже не поняла, что произошло, но в один момент вдруг оказалось, что ей есть, кому позвонить, есть, с кем сходить на каток или просто пошататься вокруг микрорайона. Что у неё есть подруга.

Дашка потом поступила в какой-то скучно-экономический институт, Ханна провалилась на психфак и пошла работать, и общаться они стали реже.

И вот теперь – звонит.

– Привет, Дашка! Рада тебя слышать!

– И я! Слушай, я тебя хочу на свадьбу пригласить! Пойдём вечером где-нибудь в центре кофе попьём, я тебе, как положено, приглашение вручу.

– Аааа! Здорово! Давай! Заодно расскажешь, кто такой, где взяла, и всё остальное!

В кафе было довольнолюдно, но им не мешали. Ханна бегло просмотрела приглашение, спрятала в сумку, и уставилась на Дашку с фонтанирующим любопытством.

– Ну, рассказывай!

– Да что рассказывать, всё обычно, – кокетничала Дашка. Или Ханне казалось, что кокетничала. – Он с нашего курса, один из двух парней.

– Ты крутая! Одного из двух отхватила!

– Ага, – засмеялась Дашка.

– Как зовут?

– Станислав, Стас.

– И давно вы с ним?

– Три месяца уже.

– Ого, быстро!

– Да он говорит, чего ждать? Надо жениться! Ему папа обещал квартиру подарить на свадьбу.

– Ничего себе! Ох, Дашка, как тебе везёт!

– А у тебя как, есть кто?

Ханна помотала головой:

– Да кому я такая нужна? Мне двадцать лет, а у меня ещё ни разу парня не было!

– Ханка, отставить пессимизм! Ты очень необычная, сразу внимание привлекаешь. Таких любят.

– Что-то не заметно, – усмехнулась Ханна.

– Значит, твой человек ещё не появился! Я не верю, что ты надолго одна останешься.

– Твои бы слова, да Богу в уши, – ответила Ханна, отхлебнув чай. – Расскажи лучше, ты платье уже купила?

– Нет ещё. Ой, Ханн, это, оказывается, такая морока! Заказать ресторан, всех пригласить, ленточки всякие, машины, кольца, платье вот ещё. А к платью туфли надо, причёску, макияж... Столько дел, ты не представляешь! Я платье ездила смотрела, несколько салонов уже обошла, но всё какое-то не такое. Придётся дальше искать.

Ханне тоже хотелось жаловаться кому-нибудь на подобные хлопоты, в душе радуясь и светясь счастьем. Мерить платья и морщить носик, что лиф не так сел, или что оборки по полу волочатся. Утомлённо приезжать домой и снова пролистывать каталог, взятый в салоне.

Ей тоже хотелось замуж.

31

К обеду я оказалась в посёлке. Он отличался от первого, увиденного мною здесь. Дома были уже больше похожи на дома в нашем понимании. Двускатные крыши, окошки с переплётками в виде буквы «Т», выкрашенными белой краской. Около одного из домов я заметила даже нашу родную яблоню. На ветках в изобилии висели яблоки с красными бочками, я даже отчётливо ощутила их запах, хотя, конечно, с такого расстояния это было невозможно.

Может быть, Юркин дом тут? С резными наличниками...

Я пошла по улице, ощущая под ногами пыльную грунтовку откуда-то из детства. Мне навстречу шла женщина. Когда мы поравнялись, я позвала её:

– Извините, пожалуйста, – и запнулась. Как спросить? Где живёт Юрка? Смешно.

Но женщина вопросительно молчала, надо было что-то говорить, и я бестолково забормотала:

– Скажите, пожалуйста... Я ищу друга, его Юра зовут. У него дом с резными наличниками. А ещё я просто ищу, где можно пожить. И где поесть.

Как ни странно, женщина совершенно не удивилась моему потоку сознания.

– Юру не знаю, дом с наличниками может быть на другой улице, здесь таких нет. А жить можно вон в том доме, он недавно появился. Может быть, как раз для тебя, – женщина махнула рукой в сторону сиреневого дома.

– Появился? – переспросила я, быстро взглянув на дом. – Сам?

– Ну да, – женщина пожала плечами. – Тут всегда дома появляются перед тем, как кто-то придёт.

Я решила больше ничего не спрашивать, поблагодарила женщину и пошла в сторону сиреневого дома. Сначала поселюсь, пусть у меня будет дом. И буду искать Юрку.

32

День был солнечный и немножко ветреный. Они большой компанией приехали на берег водохранилища, двумя машинами. Мамин брат с семьёй, друг папы. Кажется, праздновали папин день рождения, он летом.

На импровизированном мангале из кирпичей жарились шашлыки, дамы пили вино, а мужчины, кроме папы, газировку, потому что они были за рулём. Папа пил коньяк.

Дети носились кругами и визжали. Когда ещё повизжать, как не на природе? Мамы тоже были весёлые. Они нарезали помидоры и огурцы, складывали в пластиковые тарелки. Громко и весело искали то хлеб, то кетчуп, и периодически кричали детям, чтобы те не подходили близко к воде.

– А смотрите, дети, как я умею! Хоп, хоп! – папа выхватил из-под маминых рук три помидора, и принялся жонглировать.

– Ух тыыы! – замерли в восторге дети. Ханна гордилась папой. Вон он какой, большой, красивый, да ещё и жонглировать умеет.

– Папа, дай мне попробовать!

– И мне!

Папа дал им помидоры, но ни у Ханны, ни у других ребят ничего не получалось. Помидоры падали на землю, мялись, а потом на один из них Тёмка неловко наступил.

– Лучше начинать с двух предметов, – сказал папа, но мамы уже потеряли терпение.

– А ну, хватит продукты переводить! Вы сейчас все помидоры затопчете, и нам есть нечего будет.

Ханна хотела было сказать, что жонглировать помидорами гораздо интереснее, чем их есть, но не стала. Подошла к папе, привычно забралась на руки.

– Папа, а как ты так научился?

– О, это я давно научился, ещё в школе. Представляешь, я хотел работать в цирке! Чтобы кочевать по городам, показывать представления.

– Да-а? – Ханна округлила глаза. – А почему не стал?

– А потому что у меня появилась мама, и ты. А вас надо кормить, – папа шутливо нажал Ханне на нос, как на кнопку.

– А что ты ещё умеешь?

– Раньше умел на шпагат садиться и сальто делать, а сейчас уже не умею.

– Ого! А фокусы умеешь?

– Пару штук знаю.

– Папа, покажи, покажи! – Ханна, дрыгая ногами, сползла с отца. – Мой папа умеет фокусы показывать!

После нескольких нестерпимых минут подготовки, пока папа искал карточную колоду и ещё что-то, представление, наконец, началось.

Фокусы были не очень яркие, но Ханна закрыла на это глаза. В конце концов, они не в настоящем цирке, а на природе, и папа не готовился. Поэтому у него не было кролика в шляпе и ярких платков и шариков. Но карту папа угадал. И ещё раз угадал, и ещё раз. И салфетку спрятал в свой карман, а нашёл потом за воротником у мамы. Ханна хохотала громче всех, и даже мама не могла сдержать улыбку.

– Васька, тебе надо в цирке выступать, – пробасил мамин брат.

– У нас и так дома сплошной цирк, нечего, – ответила ему мама. А Ханна не поняла, где же дома цирк, когда папа даже не жонглировал ни разу?

33

Мы с Барсиком решили прогуляться. Осмотреть окрестности и поискать Юркин дом. Сначала мы прошли по улицам посёлка. Нашли два дома с наличниками, но в одном жила женщина с детьми, я их всех заметила во дворе. А другой оказался пустым, и даже не у кого было спросить, Юркин это дом или чей-то ещё.

После этого на краю небольшого оврага мы нашли симпатичный теремок, из которого тянулся соблазнительный запах еды. Поколебавшись, можно ли ломиться в первый попавшийся дом с целью поесть, я всё-таки постучалась и вошла.

– Покушать? – расплылся в широченной улыбке чернобородый мужик. Мне вспомнилось что-то южное, грузинское даже, хотя не припоминаю, чтобы знала грузинских мужчин с такой бородой.

– Да, очень хочется есть, – я тоже не смогла сдержать улыбку.

Мужчина ушёл вглубь дома, погромел там посудой, и вынес тарелку супа. В густом бульоне плавали листья целиком, корешки и тёмные шарики.

Суп был отличный, я с удовольствием его съела.

– Вкусно, красавица? – поинтересовался хозяин.
– Очень, – честно ответила я. – А это из чего суп?
– Всё у меня на огороде растёт, – с гордостью ответил повар. – Травы разные, и чури.
– Чури – это что?
– Ну, как? Зёрна коричневые круглые видела? Это чури.
– А бульон из кого? – мне это было интересно ещё с прошлого разговора с Юркой.
– Как из кого? Эээ, если мы будем кого-то есть, нас все будут бояться! – мужчина с подозрением посмотрел на меня, немного сократив ширину улыбки.
– Действительно, – согласилась я. – Но откуда у вас бульон?
– Да вон, в овраге источник, там очень вкусная вода, все там и берут. Откуда-то из самой глубины земли бьёт.
– Ух ты, – я была поражена. Выходит, суп на минеральной воде вместо бульона. Вот чудно!
Попрощавшись с гостеприимным бородачом, я вышла на улицу. Ну, и Барсик со мной, конечно. Мне был крайне любопытен этот источник бульона, и мы повернули к оврагу.

34

Они сидели у Дашки на даче. Лето было знойным, но к вечеру жара отступала, и становилось возможным вылезти из-под кондиционера в сад. Стас вытаскивал для Дашки большое кресло, а потом осторожно помогал ей сесть.

Дашка была огромная. «Дирижаблик», – говорил Стас. УЗИ показывало двойню, а Стас нервничал, что в таком животе и все четверо поместятся. Дашка старалась не думать о предстоящих трудностях, и искренне наслаждалась каждой минутой покоя.

– Я тоже хочу мужа и детей, – снова повторяла Ханна.

– Ханя, милая... Наверное, каждому своё время.

– Угу, ещё скажи, у каждого своя судьба.

– Может, и так.

Помолчали. Ханна вздохнула и снова завела свою пластинку.

– Вот скажи мне, чего Сашке не хватало? Почему он жениться не хотел?

– Сашка... Да кто его знает. Может, ему важно ощущение свободы. Что в любой момент может взмахнуть крыльями и улететь.

– Даш, вот скажи мне, а зачем при таком раскладе вообще заводить отношения? Жить вместе?

– Ну, как зачем? Кто ему шесть лет футболки стирал и ужинами кормил? Я уж про остальное молчу.

– Но это же... Это же нечестно как-то. Как одним задом на двух стульях.

– Я думаю, просто не твой он человек.

– Просто он меня не любил, вот и всё, – заключила Ханна. – И снова возвращаемся к тому, с чего начали. Меня никто не любит.

– И я снова повторю – значит, не пришло ещё твоё время.

– Тридцать лет, угу... Когда оно придёт? В восемьдесят? Когда будет «дорогая, ты не видела мою вштавную челюсть?»

Дашка расхохоталась:

– Давай, я попрошу Стаса, он тебе вина откроет?

– Давай, – согласилась Ханна. Вино так вино.

35

Мы спустились вниз. Барсик шёл легко и грациозно, как и подобает дикому зверю. Или почти дикому, неважно. Я же наоборот скользила, цеплялась за какие-то растения, которые

иногда оказывались колючками. Я даже один раз выругалась, но моментально получила удар током от летучки, и меня осенило, что это странное насекомое меня воспитывает.

Источник я нашла быстро, по запаху. Из трещины в каменистом склоне изливался натуральный бульон. Даже тёплый. Я подставила руку, лизнула. Да, он. Основа всех местных супов, по-видимому. Барсик тоже оценил: осторожно расставив лапы, принялся лакать воду из небольшого озерца на дне оврага, где эта странная вода скапливалась.

Внезапно с противоположного склона раздался мат, такой знакомый по бывшему миру. Я успела хихикнуть и обернулась. Явно мой соотечественник в овраг свалился.

По склону оврага колом катился парень, периодически выбрасывая в сторону руки и ноги, и пытаюсь ухватиться хоть за что-нибудь. Но остановился он всё-таки почти у самого озерца, проехав последние два метра на пузе.

– Чёрт знает что, – выругался он, переворачиваясь и садясь. – Ай, блин!

Хлопнул себя по шее и заметил меня.

– Что за дебилы комары здесь! Кусают непонятно как, рожи у них странные, и прибить не получается, – вдруг он замер с рукой на шее. – Бааа! Моль! Вот не ожидал!

Я, если честно, тоже не ожидала здесь увидеть Аверина. Да и не мечтала, если уж совсем-совсем честно. Лучше бы его здесь не было, моего бывшего одноклассника.

– Вот и давай разойдёмся, как будто друг друга не видели, – предложила я.

– Нее! Так не интересно! Дай-ка я тебя рассмотрю! – Аверин встал на ноги. Какой он стал здоровый и пузатый! Я инстинктивно отступила на шаг назад.

– Чё за тварь! – он пнул Барсика, который стоял ближе. Барсик пискнул, отлетев в сторону, Аверин снова чертыхнулся и хлопнул себя по плечу и по шее.

– Барсик! – позвала я бедную зверюшку, присев на корточки. – Иди ко мне, я тебя спрячу!

Ящер потрусил ко мне и сел, прислонившись спиной к ногам.

– Во, приколы, – заржал Аверин. – Такую же страшилую завела.

Я поднялась и посмотрела на него с жалостью. Объяснять ему что-либо бесполезно, раз даже удары током не помогают.

– Аверин. Это не комары. Это летучки. Попробуй денёк не материться и не пинать животных, они тебя кусать и перестанут.

Я взяла Барсика на руки, развернулась и полезла вверх по склону. За спиной раздалось: «Чооо?», но я решила не тратить время на бессмысленные диалоги.

Впрочем, Барсика сразу пришлось выпустить, мне были нужны руки, чтобы хвататься за растения, торчавшие из склона. Свалиться к ногам Аверина совершенно не хотелось. Барсик резво поскакал вверх, иногда нетерпеливо оглядываясь на меня, а я лезла осторожно. Снизу доносились какие-то эпитеты в мой адрес, но здесь и сейчас они меня несколько не задевали. Похоже, я выросла.

36

Звонок в дверь вытащил Ханну из уютного пледа. Был зимний выжженный вечер, и Ханна решила устроить себе немножко Англии. Заварила чай. Пристроила под письменный стол настольную лампу, из подручных средств выложила очаг. Если прищуриться, в этой конструкции можно было увидеть камин. Перед «камином» она поставила кресло, специально притащив его из необитаемой маленькой комнаты.

Немножко постояла перед книжным шкафом, выбирая соответствующую книгу, остановилась на «Джен Эйр» и уселась читать.

И в момент прибытия Джен в школу раздался звонок.

Ханна с неудовольствием вылезла из кресла и поплелась открывать, на ходу переворачивая упрямые тапки, и засовывая в них ноги.

За дверью обнаружился Стас. Серый, взъерошенный, с нелепым пакетом в руках. Пакет был весь в весёлых цветочках, которые совершенно не гармонировали с выражением лица Стаса, но ему самому явно было не до расцветки пакета.

– Ханька. Привет. У тебя можно напиться?

– Привет, Стас. Не думаю, что Дашке бы это понравилось.

– Дашка даже не заметит, – вздохнул Стас и начал разматывать шарф. – Я устал, как ишак. Мне чуть-чуть посидеть в тишине и расслабиться. Они всё время орут, массажисты ходят караванами, реабилитологи какие-то, занятия, Дашка нервная и меня в упор не видит. Только деньги на врачей давай.

– Стас, ну а как ты хотел? – Дашка достала из галошницы тапки и бросила Стасу под ноги. – Два больных ребёнка, Дашка устаёт так, что тебе и не снилось. Она чисто физически не может оставаться феей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.